

Николаевские пионеры свято чтут память героев. Имя Вити носит пятая средняя школа, имя Шуры — двенадцатая.

В 1965 году отважные разведчики были посмертно награждены орденами Отечественной войны I степени. О них сложены песни, им посвящена пьеса, поставленная на сцене местного театра.

Каждый, кто приезжает в южный украинский город Николаев, обязательно проходит мимо сквера, в котором стоит простой и светлый памятник Вите и Шуре. У этого памятника своя история. Он построен на средства, собранные пионерами и школьниками всей Украинской республики.

Друзья изображены идущими к линии фронта. В руках у них волшебная палочка. Глаза устремлены вдаль: как будто они видят где-то впереди фронтовое зарево.

И каждый оставляет их в своей памяти, в своем сердце вот такими — всегда в движении, вечно в пути.

Имена юных пионеров-героев занесены в Книгу почета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

...

На круглой, пузатой уличной тумбе, где раньше висели пестрые киноафиши и рекламные плакаты, появился желтый лист бумаги с крупными черными буквами.

Еще издалека Витя прочитал слово «РАССТРЕЛ».

РАССТРЕЛ за появление на улице после девяти часов вечера...

РАССТРЕЛ за хранение оружия...

РАССТРЕЛ за укрытие военнопленных...

РАССТРЕЛ за помощь партизанам...

Витя подошел к тумбе вплотную и сделал вид, что внимательно читает новый фашистский приказ. А сам косил глазами то вправо, то влево, высматривая: нет ли кого на улице?

«Нет!...»

Вцепившись руками в уголок листа, Витя сильно рванул его на себя. Треск бумаги прозвучал в ушах, как раскат грома. Еще рывок — и приказа как не бывало! Скомкав бумагу, Витя сунул ее в карман. В приказе не было написано, что за срыв немецких документов тоже РАССТРЕЛ. Но это подразумевалось само собой...

Скорее в калитку, во двор, пока никто не заметил! Но рядом, на толстом стволе старой акации, наклеен точно такой же приказ. Кора у акации ребристая. Сорвать проще. Он заносит руку и вдруг слышит за спиной голос:

— Этого делать не следует...

Витя оборачивается и видит... свою учительницу! Она как-то странно одета — в старое, темное. Голос строгий, но глаза добрые. Витя пытается объяснить...

— Тише! — говорит она, поправляя воротник на его футболке. — Зайди ко мне завтра. Помнишь, где я живу?

— Да... — он хочет назвать ее по отчеству...

— Теперь меня зовут Нина Ивановна. Завтра, в шесть вечера...

— Этого сейчас делать не следует, — повторила учительница, когда они сидели вечером в ее небольшой светлой комнате.

— Но почему?..

— Глупо срывать приказы днем, когда на улицах полно немцев...

— Никто же не видел...

— Я-то увидела! Могли и другие. Так мы ничего не достигнем: немцы вместо сорванных наклеят новые...

— Но я хочу же...

— Вот поэтому-то я и пригласила тебя.

— Давайте вместе! — предложил Витя. — Знаете, что у меня есть: детали для приемника! Можно собрать. Будем записывать сводки совинформбюро. И расклеивать их на улицах!..

— Правильно! — улыбнулась Нина Ивановна.

— Но... нас всего двое...

— Ты так думаешь? Нет! Еще таких много...

— Конечно! Но трудно найти. Они прячутся под другими именами. Как вы... Повстречаться бы с ними?

— Можно...

— Правда?

Через несколько дней Нина Ивановна привела Витю к руководителю подпольной организации «Николаевский центр».

Этот коренастый мужественный человек с седеющими висками, по-отечески положив руку на плечо мальчику, сказал:

— Хорошо, что у тебя по немецкому в школе «отлично» было. Пригодится...— Потом добавил: — А чтобы не скучал, мы тебе пару подобрали!.. Шура! — позвал он.

Из соседней комнаты вышел мальчик ростом чуть выше Вити.

— Шура Кобер.

— Витя Хоменко. Ты в какой школе учился?

— В двенадцатой... А ты?

— В пятой... Почти соседи...

Их школы были в противоположных концах большого портового города, и мальчики до сих пор ни разу не встречались. Но их первое рукопожатие скрепило дружбу навсегда.

Поначалу ребятам поручили быть связными между явками. Они передавали распоряжения из «Центра» подпольщикам, незаметно проносили на явки оружие, бумагу для листовок.

Но как-то Витю вызвали в «Центр».

— Посуду мыть умеешь? — спросили его.

Витя даже растерялся от такого неожиданного вопроса.

— Умею...

— Хорошо?

— Ну, мама довольна была...

— Ясно. Пойдешь работать мойщиком посуды в столовую «Ост»...

— «Ост»? — переспросил Витя. — Значит, немецкая?

— Да.

— Боевое задание? Да? Говорите, что сделать. Яду им подсыпать или...

— Нет, нет! Только не это... Работать добросовестно и аккуратно. И никаких таких штучек!

— Понятно! — глубоко вздохнул Витя.

Первое задание Вити Хоменко

Немецкая офицерская столовая скорее была похожа на ресторан. По вечерам здесь громко играла музыка. Офицеры, гестаповцы орали свои пьяные песни.

Вите было противно мыть после них на кухне тарелки и рюмки. Но он терпел. И больше того — всеми силами старался выслужиться перед хозяином столовой.

Однажды он нес стопку тарелок. И не заметил, что на полу разлита вода. Поскользнулся — несколько тарелок разлетелись на мелкие куски.

Хозяин с кулаками на него:

— Ах ты, русская свинья! Ты мне тарелки бьешь, а я тебе руки-ноги поломаю!

Обидно и больно было слышать эту брань, хотелось ответить, дать сдачи. Но Витя не пошевелился. Больше всего боялся, что хозяин выгонит его из столовой. Что тогда скажут в «Центре»...

Но все обошлось. Витя остался.

Он скрывал от всех своих друзей, даже от мамы, где работает. А дома было голодно. В один из вечеров Витя принес домой продукты, которых давно уже не видели в продаже.

— Откуда это? — удивилась мать. И тут пришлось признаться...

— Какой стыд и позор! — воскликнула Юлия Ивановна. — Дожила! Мой сын пошел служить немцам!

— Так надо, мама...

— Надо? — переспросила она и насторожилась:— Ты что-то скрываешь... Скажи мне. Я же мать...

— Если можно будет, мама... скажу.

— Надо, значит, надо... — сказала она и провела теплой ладонью по голове сына.

У Юлии Ивановны Хоменко, простой рабочей женщины, жизнь сложилась трудно. Отец Вити — участник гражданской войны — умер от старых ран в 1927 году, когда мальчику исполнился год. Кроме Вити, на руках у Юлии Ивановны остались еще две девочки. Ей одной пришлось и растить и воспитывать ребят.

В столовой Витя работал старательно. И даже вскоре пошел на повышение. Было это так. Захворал официант, а заменить — некем.

— Ну-ка, оденься почище, — приказал Вите хозяин. — Пойдешь обслуживать господ офицеров. Только смотри у меня.

...Вечером хозяин вошел в зал и, к своему удивлению, увидел такую картину. Ловко держа поднос с тарелками и рюмками, Витя носился от столика к столику. Офицеры довольно похлопывали его по плечу.

Совали конфеты: — Гут! Гут!

А Витя в ответ: — Битте... Данке...

Хозяин все понял: офицеров располагало то, что Витя хорошо знает немецкий язык.

Прошло несколько дней, заболевший официант выздоровел. Хозяин вернул мальчика на кухню — мыть посуду. Но не тут-то было!

— Где ваш киндер? — недовольно спросил один майор. — Почему нет? Ка-роший официант!

И Витя остался в зале. Дотошный, смышленный, он еще бойче, чем прежде, лопотал с господами офицерами по-немецки и... слушал. Слушал их разговоры. Это стало для него главным.

В столовой часто появлялись офицеры, прибывшие с фронта. За рюмкой водки они выбалтывали место расположения своих частей и другие секреты.

— Молодчина! — хвалили Витю в подпольном «Центре».

Прошел месяц, другой. Однажды Витя явился на явку с новеньким желтым портфелем в руках. Глаза сияли озорным огоньком:

— В этой маленькой корзинке — что угодно для души!

Открыл портфель — подпольщики так и ахнули: там лежал немецкий пакет с надписью «Секретно».

— Откуда это у тебя?

— Оттуда! — Витя показал в сторону немецкой части. — Со вчерашнего дня я посыльный при штабе... Полюбуйтесь: я и мои друзья, — он достал из кармана фото, на котором был снят среди улыбающихся немецких офицеров.

Подпольщики осторожно, чтоб следов не осталось, вскрыли пакет, прочитали...

— Спасибо! Молодец! Здесь очень важные сведения. Их надо немедленно передать по радио в Москву!

Так было не раз. Гитлеровцы хвалили своего нового посыльного за быстроту и исполнительность, а подпольщики — за сообразительность и смелость.

Шура КОБЕР на задании

Как-то Витя шел со своим желтым портфелем мимо железнодорожной станции. И вдруг заметил, что за шлагбаумом у склада какой-то мальчишка чинит велосипед. Фигура его показалась Вите очень знакомой. Подошел ближе: «Шура!».

Но... тут же, приняв безразличное выражение, насвистывая, прошел мимо.

Со стороны можно было подумать, что ребята никогда не видели друг друга.

А дело было в том, что Шура в это время, как и Витя, выполнял свое задание: следил за передвижением фашистских войск и техники по железной дороге. То он оказывался в районе станции с велосипедом, то со школьным учебником...

Именно в такой момент его здесь заметила девочка — бывшая соседка по парте. Увидев, как он с сосредоточенным видом что-то пишет в тетрадку, разграфленную клеточкой, она спросила:

— Ты что, задачки решаешь?

— Да.

— Зачем? Ведь школы сейчас не работают.

— А я, чтобы не забыть арифметику...

— А-а! — с уважением и удивлением протянула девочка и ушла.

Танки, машины, пушки, стоящие на платформах, обычно были покрыты брезентом. Но Шура приловчился распознавать их по внешним очертаниям.

И все же однажды он очутился в трудном положении. На станцию прибыл эшелон с каким-то необычным вооружением. Шура насторожился, сразу сообщил в «Центр». То, что находилось под чехлом, не напоминало ни пушку, ни миномет. Какое-то новое оружие! А какое?

Чтобы проверить, подпольщики пустили недалеко от Николаева под откос эшелон. Там оказались немецкие шестиствольные минометы.

Шура получил боевую партизанскую благодарность.

Дружба пионеров-партизан

Но тут случилась беда — оборвалась связь с Москвой — испортился подпольный радиопередатчик. Пробовали чинить — не вышло. Раздобыть новый не удалось. Выход один — послать человека. А до линии фронта от Николаева не одна сотня километров.

— Кто пойдет?

Вызвались опытные, бывалые бойцы. Но руководитель «Центра» сказал:

— Предлагаю послать Кобера и Хоменко.

— Мальчишек? — удивился кто-то.

— Именно! Меньше подозрений будет...

Узнав о новом задании, Витя и Шура страшно обрадовались.

— Когда выходить? Завтра?

— Нет. Надо подготовиться, изучить маршрут.

Руководитель подошел к карте и провел невидимую линию от города к городу: Николаев — Луганск — Ростов... Она перерезала реки, дороги, леса, устремляясь на Восток, и оканчивалась там, где был фронт.

— Мы в село — менять вещи на хлеб,— придумали Витя и Шура причину своей предстоящей отлучки из Николаева. — Скоро вернемся...

Шура собрал вещи в котомку — и готов в путь. А Вите не просто было уйти с работы в штабе. Пришлось объяснять, что очень сильно захворала тетя, живущая в дальнем селе. Отпустили, но предупредили:

— Надолго задержишься, место твое будет занято...

Дорога с самого начала была трудной и опасной. Сотни раз их останавливали и расспрашивали на пути: и немецкие солдаты, и полицаи, и просто жители. И на все случаи у ребят были припасены разные «истории».

— Куда путь держите, сиротиночки? — спросила их старушка, когда они пришли в небольшое село за Днепром.

— Братья мы... двоюродные, — начал рассказывать свою «историю» Витя.— Дом наш фашисты разбомбили. Всех родных угнали. Мы еле спаслись... Вот идем к бабушке в Ростов. Если жива — приютит...

— Ах, горемыки! Что война проклятая наделала!.. — сочувственно вздохнула она, пригласила в хату, угостила молоком, хлебом и с собой продуктов дала.

В другой раз на железнодорожной станции ребята увидели поезд, отправлявшийся в сторону фронта. «Подъедем!» Сели в вагон «зайцами», но их тут же высадили. «Что делать?»

С паровоза по лесенке спустился машинист и стал осматривать колеса. Ребята подошли.

— Что — техникой интересуетесь? — полюбопытствовал — он.

— Да, — бойко сказал Шура. — Дядя у меня паровоз водил. На вас, между прочим, похож. Меня часто брал с собой покататься...

— А понимаю, на что вы намекаете! — улыбнулся машинист. — Садитесь!

И эта история «сработала»!

Но не всегда, бывало так. Встретишься с немецкими патрулями — тут уж никакие истории не действуют. Первое слово у них «документы». А какие могут быть документы у мальчишек до шестнадцати лет?

На одной из дорог их остановил немец со сморщенным, как старая картошка, лицом. От него разило водкой.

— Пашпорт! — навел он прямо в лицо Шуры свой автомат.

— Нет...

— Цурюк! Назад!

Тут вышел вперед Витя и сказал несколько слов по-немецки.

Фашист опустил автомат, оживился, начал что-то быстро говорить.

— О чем это он? — спросил Шура.

— Говорит, что я напоминаю ему сынишку, оставшегося в Германии, — перевел Витя.

Солдат тем временем достал из кармана кошелек и, растроганно улыбаясь, высыпал на ладонь Вити горсть монет.

— А это для чего?

— Чтобы мы купили себе ботинки поновее...

— Хорошо! Пригодятся в дороге.

А особенно радовало ребят то, что никто не обращает внимания на палочку, которую поочередно несли в руках. Палочку эту они называли «волшебной». Ведь внутри нее были спрятаны сведения, написанные мелкими буквами на тончайшей бумаге. Их-то Витя и Шура должны были любой ценой перенести через линию фронта.

...Но вот уже последний отрезок долгого и трудного пути. Доносится дальняя фронтовая канонада.

Опустился вечер. Ребята попросились ночевать в крайнюю хату села. Хозяин, ничего не говоря, впустил их. Зашли, а там полицаи пьяные пируют. Увидели незнакомых ребят — и давай допытываться:

— Откуда идете?

«Сказать из Николаева — привяжутся: почему издалека, почему там не сиделось...»

— Из Луганска мы! — бойко сказал Витя.

— Луганские? — откликнулся один из полицаев, усатый, багровый от водки. — Земляки, значит! Я тоже из Луганска. А на какой улице живете?..

— Да мы на разных, — уклончиво сказал Шура. Потому что Луганска они не знали, прошли его вечером...

— Так на какой же? — настаивал усач.

Другие тоже притихли, подозрительно прислушались.

«Попались!» — мелькнуло в голове у Вити. Но тут же нашелся:

— На той, которая раньше улицей Ленина называлась...

Расчет простой: как и в Николаеве, в каждом советском городе есть улица Ленина...

— Что ты болтаешь? — оборвал его полицай, ударив кулаком по столу. — Нет сейчас таких улиц и больше никогда не будет!

— Так я же сказал: раньше называлась. А теперь у нее другое название, — и Витя скороговоркой произнес по-немецки длинное, непонятное слово...

Сбитый с толку усач, тупо вращая глазами, рявкнул:

— Обыскать!

Обыскали, но ничего подозрительного не нашли, даже палочку.

Пока Витя разговаривал с полицаем, Шура незаметно сунул палочку в вязанку нарубленного хвороста за печкой.

Глубокой ночью ребята проснулись. Вокруг раздавался храп.

Окно открыто.

Тихо пошептавшись, встали.

Шура осторожно поднял вязанку хвороста, и они неслышно вылезли в окно... Остановились за сараем, чтобы отдышаться.

Развязал Шура хворост — и у него похолодело сердце: палочки нет!

— Где же она? Была здесь! — растерянно говорил он, заново перебирая каждую хворостинку.

— А вдруг сожгли в печке... — предположил Витя! — Эх мы растяпы! А подпольщики так на нас надеялись...

— Я сейчас, — прошептал Шура и скрылся в темноте.

Прошла бесконечно длинная минута.

— Все в порядке! — радостно выдохнул вернувшийся Шура.

— Я, оказывается, захватил не ту вязанку... Вот она, палочка, здесь!

С тех пор ребята не расставались со своей бесценной ношей ни на секунду, даже во время сна.

Все слышнее орудейная пальба. Значит, фронт все ближе. Кончилась степь, начались залитые водой плавни, густые камыши. А дальше — голубой широкой лентой вьется река Кубань. На этом берегу фашисты, на том — наши... Это и есть она — линия фронта! Сколько ребята ждали такого момента! А теперь — самое трудное: как переправиться?

— Эх, если бы я знал заранее, что фронт будет проходить по реке, обязательно бы научился плавать! — вздохнул Шура.

Витя был хорошим пловцом, а Шура плавать не умел.

— Что об этом сейчас говорить! — отозвался Витя. — Лучше лодку поискать!

Но лодка... приплыла к ним сама. Правда, в ней сидел немец. В одной руке у него был автомат, а в другой — удочка.

Как видно, решил в свободную минуту порыбачить в этих камышах!

Лодку привязал, а сам с удочкой в стороне на берегу сел. Мальчишки тем временем весла сняли и спрятали. Вернулся немец, поискал-поискал весла — не нашел! Сначала подумал, что они утонули: даже в воду залез и по дну возле берега пошарил. Но потом разозлился, заподозрив что-то неладное, дал очередь из автомата наугад в камыши и, громко выругавшись, ушел...

В ту ночь с обоих берегов сильно стреляли. Лучше было бы повременить. Но в другой раз лодки может не быть. И друзья решили рискнуть!

Оттолкнувшись от берега, сели рядом на дощатую скамейку.

Каждому досталось по веслу. Гребли быстро и бесшумно.

Больше половины реки прошли незаметно. Темнота не выдавала их. Но вдруг в небо взлетело несколько ярких осветительных ракет.

Немцы обнаружили лодку и стали поливать огнем. Пули пробили борт, расщепили весло. Совсем рядом разорвался снаряд — и лодка перевернулась. Оба очутились в воде.

— Держись за меня! — крикнул Витя, энергично работая руками.

— А я уже стою на дне! — ответил Шура. — Тут мелко.

— Значит, до берега близко!

И верно, вот вода уже по пояс, по щиколотку, вот под ногами сухой песок!

— Стой, кто идет! — окликнул их суровый голос из темноты.

— Свои! Наши!.. Не стреляйте, дяденька!

Вспыхнул луч фонарика:

— Товарищ лейтенант! Да это мальчишки! С той стороны! Гляди, какие храбрые!.. Кто вы? Зачем идете?

Вместо ответа Витя и Шура попросили, чтобы их как можно скорее доставили к «самому главному».

Услышав короткий, взволнованный рассказ, генерал тут же взял трубку:

— Авиаторы? Приготовьте назавтра самолет! В Москву!

А примут нас в комсомол?

Витя Хоменко и Шура Кобер до сих пор ни разу не были в Москве. Но всегда мечтали об этом. И вот мечта сбылась! Правда, фронтовая Москва была не такой, какой они знали ее по довоенным открыткам и фильмам. В небе, как тяжелые тучи, висели аэростаты воздушного заграждения, улицы ошетинились противотанковыми «ежами».

Но прежде чем знакомиться с Москвой, Вите и Шуре предстояло долго и долго рассказывать в штабе партизанского движения про все, что они знали, что видели в немецком тылу. Шура подсчитывал по дороге все вражеские эшелоны, которые шли к фронту; Витя запоминал расположение воинских частей.

Через несколько дней друзья стали готовиться к выполнению задания.

Они учились читать карту, стрелять по цели, прыгать с парашютом.

В штабе партизанского движения находились разные по возрасту люди. Была среди них и молодежь — комсомольцы. — А примут нас здесь в комсомол? — спросили ребята у комсорга.

— Конечно! — ответил он. — Вы уже достигли комсомольского возраста. И, главное, своими делами заслужили это.

Витя и Шура сели писать заявления. «Если потребуется, то мы не пожалеем ни сил, ни самой жизни, для победы над врагом!» Их приняли, горячо поздравили и выдали новенькие билеты.

— Вот бы маме показать! — мечтательно вздыхал Шура.

Но ребята знали: пока это невозможно. Если их отправят на задание, то комсомольские билеты, как и другие документы, должны остаться в Москве.

И вот они снова сидят в самолете, но теперь он летит уже в обратном направлении— на юг, на Украину. За спиной — парашюты. А рядом на скамейке — их новая спутница, радистка-комсомолка Лида Брыткина. Она везет радиопередатчик, который так нужен николаевским подпольщикам.

Под крылом непроглядная ночь, нигде ни огонька.

Но вот летчик дает знак: приготовиться. Прыжок! Хлопок парашютов. Невидимо приближается земля.

Все трое приземлились в районе села Себино, поблизости от Николаева. Закопали парашюты и стали дожидаться утра.

Когда встало солнце, увидели вдали белые хатки села и шоссе, по которому бежали машины.

— Вы оставайтесь здесь, — сказал Витя Шуру и Лиде. — А я за помощью смотаюсь.

Под вечер с шоссе в сторону лесополосы свернули двое — высокий мужчина и мальчик. Они катили перед собой пустую тачку, и казалось, что едут за хворостом.

— Это Витя! — радостно воскликнул Шура, когда тачка приблизилась. — А кто второй?

Вторым оказался подпольщик Всеволод Васильевич Бондаренко. Потребовалось несколько рейсов, чтобы перевезти в Николаев всю поклажу. Груз сверху маскировали хворостом.

— Ну, вы для нас просто как подарок! — сказал руководитель «Центра», когда ребята пришли к нему доложить о выполнении задания. — У нас очень трудное время: и взрывчатки нет, и с оружием туго. Теперь заживем!

Лиду Брыткину отвели на конспиративную квартиру, и она, наладив связь с Москвой, сообщила, что все трое прибыли благополучно. Тут же были получены новые указания Штаба. Ребята продолжали работу.

5 декабря 1942 года, День Конституции...

Шура, как-то возвращаясь к себе домой на 8-ю Военную улицу, заметил, что следом за ним идет какой-то человек.

Он еще не знал тогда, что в подпольную организацию пробрался предатель, провокатор... Это выяснилось, как только начались аресты... Сначала гестаповцы арестовали несколько рядовых подпольщиков, потом и одного из руководителей.

«Центр» дал распоряжение Вите и Шуру переменить место жительства.

Но было уже поздно.

Холодной ноябрьской ночью 1942 года к дому на 8-ой Военной улице подъехала крытая автомашина с вооруженными солдатами.

Вломившись в дом, гестаповцы подняли с постели Шуру и полуодетого увезли в тюрьму.

Потом заехали за Витей. Его застали как раз в тот момент, когда он уже собрал вещи, чтобы уйти на другую квартиру, к родственникам.

...С грохотом захлопнулась тяжелая тюремная дверь. Ребята очутились в одной камере — тесной, холодной, сырой.

— Да, Витек, много мы с тобой повидали... — тихо сказал Шура, — а вот теперь-то начнется самое страшное...

И правда. Бесконечные, изматывающие допросы чередовались с побоями и пытками. Казалось, спутались день и ночь...

— Где явки? — угрожающе помахивая плеткой, в который раз спрашивал гестаповец с железным крестом на черном мундире.

Ребята молчали. «Ответ» тот же.

И вдруг:

— Что вы делали в Москве? Какие инструкции получили? — гитлеровец выжидающе, в упор смотрел на мальчишек: какое это произведет впечатление.

«Оказывается, и это им известно! Но откуда? Неужели кто-то предал!» — все это промелькнуло только в мыслях, но, ни жестом, ни взглядом ребята не выдали своей тревоги.

Их допрашивали и поодиночке, и вместе. Обещали свободу, деньги, «счастливую жизнь» в Германии. Ничего не помогло.

...5 декабря 1942 года, День Конституции. Именно этот дорогой советским людям праздник гитлеровцы выбрали для того, чтобы совершить казнь. На базарной площади зловеще стучали топоры и молотки, фашистские солдаты сколачивали виселицу, вбивали в перекладину железные крюки.

Когда виселица была готова, оккупанты начали сгонять народ с окрестных улиц и переулков. Подъехала черная зарешеченная машина. Из нее вывели десять человек: восемь взрослых и двух ребят. Эти двое были Витя Хоменко и Шура Кобер. Руки туго связаны веревками, на лицах — синяки от побоев. Но друзья держались мужественно.

Немецкий офицер читал приговор, а переводчик громко переводил на русский... Витя в этот момент пристально всматривался в толпу: нет ли здесь родных или знакомых. Площадь была недалеко от улицы, на которой он жил.

Вдруг совсем рядом увидел своего школьного друга Толю...

— Толя! — крикнул он что есть силы. — Беги домой, скажи маме...

Мальчик исчез в толпе.

Но когда мать Вити, Юлия Ивановна Хоменко, бледная, рыдающая, прибежала на площадь, все уже было кончено...

Этой расправой фашисты рассчитывали запугать николаевцев. Но не удалось! Когда рассвело, первые прохожие увидели возле виселицы букетики живых цветов. На столбе белел небольшой листок бумаги с надписью:

«Слава юным героям!»